

Словно бы нападая сам на себя, он при этом избрал в качестве своего объекта человека в женском платье. И всё же тот разительно отличался от мужчины: черты лица были мягче, словно подёрнутые дымкой косметического фильтра, и в его облике чудилась утончённая красота, подобная клонящейся к воде иве под слабым ветром.

В то же время Чи Мэй размышлял о том, почему здесь возникли чары и почему он вынужден тихонько жаться внутри алого лотоса. Он не мог атаковать извне, боясь навредить Тао Шаньцзэ, однако сам Тао Шаньцзэ полностью утратил воспоминания о том, что он — Тао Шаньцзэ, глупенько всхлипывал и целыми днями без конца разводил сырость, точно изваяние из воды и камня.

Чи Мэй пытался заговорить с Тао Шаньцзэ, но в ответ не дождался ни звука. Тао Шаньцзэ и Чи Мэй в женском обличье являли собой сущую пару злосчастных влюбленных: они взаимно тянулись друг к другу, но не могли быть вместе. Самым же щекотливым вопросом оставалось то, почему этот образ принял именно лицо Чи Мэя.

Чи Мэй не мог этого постичь. Внутри цветка лотоса он питался духовной энергией, спал поел да снова спал, и так продолжалось до того самого дня, пока Тао Шаньцзэ, сохранивший воспоминания Ли Чжуэр, не явился в храм и не встретил там упомянутого им демонического монаха.

Тот и вправду оказался поразительно похож на Чи Мэя, но их нравы различались кардинально. Каждое движение и улыбка монаха таили в себе нечто демонически обольстительное; при всей внешней простоте в нём было поразительное, ошеломляющее изящество. Слегка вздернутые уголки глаз, полуулыбка на лице — всё это с лёгкостью затягивало человека в бездонный омут его взгляда.

Чи Мэй приподнялся в алом лотосе, интуитивно чувствуя некую связь между ними, однако в голове клубился такой хаос, что он не мог вспомнить ничего. Тело же жгло невероятным жаром: сам по себе он обладал холодным от природы телосложением, но теперь терпеть эту муку стало невозможно, и жар непрерывно бушевал в духовном море Тао Шаньцзэ.

Ли Чжуэр чувствовал лишь, как невыносимо горит его лоб, а лицо залил румянец. В комнате стоял сильный холод, но сейчас холод и зной сплелись воедино.

Сидевший напротив монах осведомился:

— Что с благодетелем? Голова болит?

Ли Чжуэр испуганно замахал руками, но не удержался и схватился за голову, услышав чей-то мучительный стон, звавший Тао Шаньцзэ.

— Благодетель, может, приляжете отдохнуть? — Демонический монах подошёл и прижал ладонь к руке Тао Шаньцзэ. Едва его длинные пальцы коснулись кожи, лицо монаха посуровело. — Благодетель, к вам привязалась какая-то скверна.

Подавляя боль, Ли Чжуэр выдавил:

— Что?

— Пустяки, всего лишь ничтожные демонические звери с жалким уровнем совершенствования. Благодетелю достаточно лишь надрезать левую руку и выпустить пару капель крови — и всё пройдёт само собой. — Облачённый в белые одежды мужчина улыбнулся и посмотрел на него.

Снаружи завывал ветер, неся в своём гуле странную, соблазнительную ноту. Это место походило вовсе не на келью отшельника, а скорее на пещеру паучихи. Мужчина с улыбкой протянул Ли Чжуэру нож и медленным, но настойчивым тоном произнёс:

— Режь.

Желание в глубине души разгоралось всё сильнее. Казалось, он улавливал в этом призыве источающий толику очарования и толику сладости запах, к которому безумно тянулся.

Словно поддавшись наваждению, Ли Чжуэр взял нож, но лоб запекло ещё сильнее. Внутри словно кто-то неотступно кричал: Тао Шаньцзэ, не надо!

Кто такой Тао Шаньцзэ? Голова Ли Чжуэра болела всё сильнее, в сознании непрерывно мелькал силуэт другого человека и распускающийся на его ладони алый лотос.

— Режь же, благодетель, только так можно тебя спасти, — продолжал мужчина, и в его голосе прозвучало больше спешки, чем прежде.

Супруга вана Чуцзян

На рукояти ножа, которую сжимал Ли Чжуэр, был вырезан затейливый узор, напоминавший какое-то клеймо. Он отчётливо понимал, что это ни в коем случае не храмовые лотосы и не какие-нибудь заклинательные печати. Внезапно он вспомнил увиденные в дальней комнате скелеты — их строение почти полностью повторяло анатомию человека, да и размеры были схожими. Называть их останками животных было бы слишком натянуто.

Его зрачки сузились. Те кости были человеческими.

В голове словно резко дёргнули за рычаг стартера, и от этого толчка задрожало всё его тело. Он отбросил нож, бросился в дальнюю комнату и принялся пристально вглядываться в висевшую на стене картину. Стиснув зубы, он коснулся изображённого на ней персонажа: ощущение кожи, точь-в-точь повторявшей его собственную, заставило его покрыться мурашками.

Небо и земля на полотне симметрично зеркалили друг друга, и невозможно было понять, где верх, а где низ. Между ними возникала зловещая гармония, столь же жуткая, как и символы на

рукояти ножа.

Узор на лбу по-прежнему пылал, жар становился всё нестерпимей. Ему следовало бы и дальше пытаться бежать, но неизвестно почему ноги словно приросли к земле. В голове царил густой туман, и сквозь эту пелену кто-то настойчиво звал.

Высокий монах выбежал следом. Ли Чжуэр увидел, что его окутывают ярко-алые клубы тумана — прямо как материализовавшийся лев с картины. Только вот во взгляде монаха уже не осталось прежней мягкости, напротив, он хищно и жадно всматривался в него. Убедившись, что беглец никуда не делся, монах немного смягчился, но в чертах его лица проступила жестокость. Он произнёс:

— Благодетель, я ведь ещё не всё сказал.

Ли Чжуэр бросил взгляд на высокого монаха. Голоса в голове звучали всё отчётливее, словно два крошечных человечка терзали друг друга, причиняя ему невыносимую головную боль. Он не мог владеть собой и не знал, кому верить, но время не ждало — монах неумолимо приближался.

Глубоко вдохнув и расслышав в своей голове безумные крики, зовущие Тао Шаньцзэ, Ли Чжуэр изо всех сил ударил высокого монаха левой рукой.

В тот же миг храм рухнул, земля заходила ходуном, а само полотно объяло неведомое пламя. Пространство вокруг словно затрещало по швам, лоб Ли Чжуэра пронзила острая боль. Глаза высокого монаха налились кровью, лицо исказилось свирепостью, и он попытался перехватить левую руку юноши, но едва коснулся её, как кожа и плоть с шипением вспыхнули от неукротимого пламени, словно обжёгшись об кипяток.

— Ах!

Взглянув на это, Тао Шаньцзэ с удивлением заметил, как на его собственной ладони тихонько возник алый лотос. Излучая предельно мягкий свет, подобный лучам предрассветной зари, он надёжно укрыл его.

Демонический монах завопил, а Тао Шаньцзэ воочию узрел на земле обгоревшие останки какого-то насекомого. Неужели это ужасное создание и было его истинным обликом? Тогда что же представляет собой этот мир...

Голос в его голове громко закричал:

— Беги! К пруду!

Хотя Ли Чжуэр был слаб и болен, он что есть мочи бросился прочь. Сейчас им двигала неисчерпаемая сила: колонны храма рушились дюйм за дюймом, поднимая клубы густой пыли с грохотом и скрежетом. Снаружи он заметил растерянную служанку.

— Молодой господин...

Чи Мэй смотрел на него, глаза его были полны слёз, но сам он замер на месте, явно не понимая, что только что произошло.

Ли Чжуэр знал, что должен бежать, и понимал, что этот мир вот-вот рассыплется в прах, но в этот момент, не раздумывая ни секунды, он схватил этого Чи Мэя за руку и вместе с ним сиганул в пруд.

Лишь потому, что любил её.

Ледяная вода сомкнулась над головой, скрывая уши и нос, а сквозь пелену воды виднелось лишь полыхающее небесное пламя.

Он не знал, что это был Кармический Огонь Красного Лотоса.

И ещё меньше он ведал о том, что тот самый Чи Мэй, которого он всё это время сжимал в руке, бесследно растворился в пламени.

— Очнулся? — Чи Мэй сидел рядом, поигрывая кошельком для монет. — Ну ты и заспался, знаешь ли. Я ведь за тебя уже всю арендную плату собрал, не хочешь хоть спасибо сказать?

Кушетка под Тао Шаньцзэ покачивалась — они уже ехали в повозке по Чанчжоу.

— Где Чи Мэй? — Глаза Тао Шаньцзэ покраснели, он походил на внезапно разбуженного дикого зверька, который с ожесточением оскалил зубы и завопил. Резко бросившись на спутника, он от толчка заставил повозку сильно качнуться и яростно вцепился ему в воротник.  
— Я спрашиваю, где Чи Мэй?!

— Так это же я. — Чи Мэй почувствовал себя немного виноватым и отсел подальше, но Тао Шаньцзэ, весь словно ошестинившийся колючками, намертво вцепился в него, и оторвать его было невозможно. От их возни повозка снова заходила ходуном.

— Не ты! Где мой Чи Мэй?! — В уголках глаз Тао Шаньцзэ блеснули слёзы. Одернув занавеску повозки, он увидел лишь мелькающие за окном пейзажи и уже не в силах сдерживаться завопил: — Куда ты спрятал моего Чи Мэя?!

Чи Мэй впервые в жизни испытал столь беспомощное замешательство. Будучи существом, способным повелевать льдом и снегом, а также заманивать людей в Ляочжай в роли хозяина владений, он сейчас испугался донельзя и потому заговорил самым мягким и миролюбивым тоном:

— Ты сначала отпусти меня.

Услышав это, Тао Шаньцзэ чуть ослабил хватку, однако бёдрами намертво прижал его к сиденью, не оставляя ни шанса на побег. Тяжело вздохнув, Чи Мэй извлёк из пазухи носовой платок, в который был завернут один лепесток алого лотоса.

— Ладно-ладно, смотри. Это тот самый человек, которого ты видел в иллюзии. На самом деле всё, что создано в иллюзиях, вынести оттуда нельзя, но вот она — настоящая. — Чи Мэй указал Тао Шаньцзэ на лепесток.

Почти дотла сожженный лепесток лотоса ничем не отличался от любого другого, однако в груди Тао Шаньцзэ затрепетало знакомое чувство. В этом заурядном лепестке он нашёл что-то родное и схватился за сердце. Раньше, когда у него подозревали рак груди, оно часто болело, но сейчас боль была совершенно иной, хотя сердечный приступ унять не удавалось.

Повозка покачивался, а сидевший на козлах кучер крикнул сквозь занавеску:

— Эй, моя повозка не выдержит таких страстей, вы там поаккуратнее голубки!

— Никакие мы не голубки! — в один голос выпалили оба, после чего воцарилось довольно неловкое молчание.

— А где страницы книги? — поинтересовался Чи Мэй, когда эмоциональный пыл Тао Шаньцзэ немного угас.

— Спроси что попроще, — наградил его злым взглядом Тао Шаньцзэ.

— Ох, значит, выбраться нам всё-таки не удалось, и проблема по-прежнему кроется в Чанчжоу, а не в Городе Линчжоу, — протянул Чи Мэй.

— Тогда какого чёрта мы припёрлись в Город Линчжоу? Отец велел мне собрать арендную плату, вот я и приехал. Получается, сам напросился на неприятности, — злобно проворчал Тао Шаньцзэ.

— И то верно... Я вот тоже думаю, почему так? — Лепесток лотоса тихо лежал на платке. Другой рукой Чи Мэй сложил пальцы в мудру, и на его ладони распустился алый цветок. Если сравнить их, то, помимо ауры духовной энергии, между ними не было никакой разницы.

Помолчав добрую минуту, Тао Шаньцзэ спросил:

— Тот демонический монах и вправду умер?

— В иллюзиях всё ненастоящее, сплошные чары, — вздохнув, убрал лотос Чи Мэй. — Хорошо ещё, что ты расслышал мой голос и не увяз снова в бесконечной игре по продлению жизни за счёт чужих лет.

— Бесконечной? — переспросил Тао Шаньцзэ, придвинувшись к нему чуть ближе.

— Угу. Если постоянно прибавлять себе годы, разве не сравняешься по долголетию с самими небесами? — Чи Мэй кивнул. Уловки демонического монаха казались вполне логичными: достаточно просто обменивать их на чужие годы. Но у людей есть желания — жажда, не имеющая конца и края. Они не удовлетворятся семидесятью или восьмьюдесятью годами, и даже несколькими сотнями им мало. Алчность заставит эту игру продолжаться вечно.

Бесконечно, пока сам не превратишься в чью-то жертву.

— А сколько тебе лет? — Тао Шаньцзэ давно хотел выяснить, к какому виду принадлежит этот парень, но теперь решил зайти издалека.

— Мне? Не знаю, в моей памяти есть провалы. Знаю лишь, что должен то и дело заманивать людей в Ляочжай. Не для того, чтобы навредить им — взять хотя бы тебя: стоит тебе выбраться наружу, как твоя жизнь продлится.

Повозка снова подпрыгнула на ухабе, и оба оказались еще ближе друг к другу.

— А тех, кто не смог выбраться, ты просто сожрал. Не пытайся найти себе оправдание, — строго произнес Тао Шаньцзэ.

— Ты помнишь того мумию? — неожиданно произнес Чи Мэй. — Похоже, он был одним из тех, кто заблудился в этом мире прежде. В тот день он тянул тебя к себе, судя по всему, желая помочь, а не навредить.

— Заблудился...

— Угу. Как ты сам видел в иллюзии, некоторые попадают в Ляочжай не из-за болезней — им хочется большего. Но чем больше алчешь, тем сильнее разгораются желания, и тем легче в них заблудиться. Я не в силах вытащить таких наружу. Если бы ты, находясь в том мире, не услышал мой голос и не прыгнул в пруд, от тебя бы в два счёта не осталось и золы от алого огня, уж лучше бы превратился в высохший труп.

Тао Шаньцзэ: «...»

Если посудить, Чи Мэй выглядел существом вполне невиновным: он никого не пожирал, а несчастные просто-напросто терялись в его мире сами.

И в то же время он был величайшим злодеем: не замани он людей в этот мир, они бы и не заблудились.

Получался парадокс, причем сам зачинщик искренне мнил себя спасителем.

Ближе к вечеру они наконец прибыли в город Чанчжоу. Ли Хуа со слезами на глазах схватил Ли Чжуэра за руку и не отпускал:

— Чжуэр, ты наконец-то вернулся! Скорееходи, выпей чаю, согрейся.

Тао Шаньцзэ изначально дулся на Чи Мэя, но сейчас тот щеголял в макияже скромной служанки, и глядя на него в таком виде, злиться было просто невозможно. В следующую секунду он услышал, как Чи Мэй тоненьким, подстать моменту голоском пропел:

— Молодой господин...

Тао Шаньцзэ: «...» Будь он в том мире и потеряй всю память Ли Чжуэра, вид Чи Мэя с мягкими чертами лица, почти неотличимого от женщины, не вызвал бы у него ни единой эмоции. Но теперь, когда Тао Шаньцзэ принял тот факт, что Чи Мэй — мужчина неизвестной природы, это обращение прозвучало донельзя неловко.

Шагнув во двор, они сразу почувствовали неладное. Прежде просторный двор пустовал, а теперь был до отказа заставлен ритуальной утварью даосов: рисом, свечами, мечами из персикового дерева и привязанными к столбам петухами.

Вдалеке развевались разноцветные погребальные флажки, исписанные непонятными заклинательными письменами при ближайшем рассмотрении. Зрелище выходило жутковатым.

— Отец, что здесь происходит? — С приближением сумерек в сердце Тао Шаньцзэ закралась тревога. Он покосился на Чи Мэя, но тот лишь с любопытством разглядывал меч из персикового дерева.

— Твоя сестра возвращается, нынче ночью наша семья наконец воссоединится, — с почти помешанным восторгом ответил Ли Хуа.

Тао Шаньцзэ чувствовал неладное. Он только что вернулся, и тут же ему нужно видеть сестру? И зачем ради встречи с сестрой устраивать даосский ритуал?

Обычно даосы проводили обряды для изгнания нечисти, но сейчас всё выглядело совершенно иначе. Во дворе веяло могильным холодом, от которого мороз шёл по коже.

В этот момент дверь западного флигеля отворилась, и оттуда вышел седебородый даос в синем халате:

— Старый господин долго ждал, бедный жрец ныне же проведет обряд для барышни, и сегодня же она сможет вернуться.

— Чжуэр, этот великий мастер воскресил тебя! Если бы не он, отцу не хватило бы духу вскрыть могилу. Но теперь ясно: мастер есть мастер, он и сестру твою вернуть сумеет, — говорил Ли Хуа, и взгляд его казался странным, словно он лишился рассудка и действовал по чужой указке.

Впрочем, из-за сгустившихся во дворе сумерек Тао Шаньцзэ пока ещё ничего не заметил.

Чи Мэй оттащил Тао Шаньцзэ в сторону и тихо бросил:

— С его мечом из персикового дерева что-то не так.

Тао Шаньцзэ пропустил его слова мимо ушей. Широко распахнув глаза, он с замиранием сердца и трепетом в зрачках наблюдал, как неподалёку режут несчастного петуха. Птица безумно верещала, и вскоре горячая, пахучая кровь наполнила целое блюдо.

В воздухе поплыл густой запах крови.

— Духовная сущность персикового дерева обитает у Врат Призраков и способна усмирять сотни духов, поэтому на таких мечах всегда вырезают Шэнь Ту и Юй Лянь. Но этот меч сделан из золотистого нанму, что используют для гробов — он явно служит для призыва призраков.

Тао Шаньцзэ было уже не до разговоров с ним — да и без подсказок Чи Мэя стало очевидно, что призраки уже явились.

Ворота двора заходили ходуном под ударами невидимой силы, повеяло ледяным ветром. Тао Шаньцзэ глянул на вход: даос с ещё большим воодушевлением принялся размахивать в воздухе мечом из персикового дерева, обогранным петушиной кровью. Его движения были медленными, брызги крови летели на жертвенный столик. Алые огоньки благовоний, воткнутых в чашу с рисом, тревожно дрожали и качались, сухие листья на земле взмывали кверху под порывами ветра. Одежды даоса металась в разные стороны, и он едва удерживал равновесие под напором свирепой бури.

Зрелище было донельзя зловещим. Вспомнив, что в этом мире может случиться всё что угодно, Тао Шаньцзэ зажмурил глаза от летящего песка и ухватил Чи Мэя за полу одежды. На всякий случай он предложил:

— Давай найдём где-нибудь укрытие.

Не успело утихнуть эхо его слов, как раздался зычный окрик Ли Хуа:

— Чжуэр, иди сюда!

Тао Шаньцзэ даже не шелохнулся, но Ли Хуа прикрикнул снова:

— Неблагодарный сын, неужели ты не хочешь, чтобы твоя сестра вернулась?!

И тут случилось странное: стоило Ли Хуа обозвать его неблагодарным сыном, как Тао Шаньцзэ, словно под воздействием наложенных на всё его тело заклинаний, с остекленевшим взглядом безвольно поплёлся к жертвенному столу, прямо за спину даосу.

В этот момент глаза у него нестерпимо щипало, но ощущение глаз Инь-Ян еще никогда не было столь отчётливым. Он вспомнил слова Чи Мэя при их первой встрече о том, что кара небесная уже на пороге и если не вырваться сейчас, то другого шанса не представится. Иными словами, эта небесная кара и есть тот самый шанс.

Однако ноги словно налились свинцом и намертво прилипли к земле. К нему вернулось осознание, в мыслях забрезжила мысль о побеге, но конечности будто тянули невидимые тонкие нити, не давая сдвинуться с места.

В небе непрерывно полыхали молнии, заливая всё вокруг бело-голубым светом.

Внимательно оглядевшись в поисках хоть каких-то зацепок, он поднял взгляд к небу и увидел лишь бесчисленные переплетающиеся обрубки рук и ног, заполнившие небосвод. Зрелище было устрашающим до ужаса, но если приглядеться внимательнее, всё это напоминало бескрайнее море.

Оно вздымалось многослойными валами, и от этой красно-чёрной водной глади разило зловонием.

Само собой, Тао Шаньцзэ вдруг вспомнилась зачитанная в детстве книжонка, судя по всему, старинный фолиант, где с поразительной точностью были выписаны иллюстрации. Одна глава врезалась в память особенно сильно: слои ада, а среди них — Море Беспредельного, полное душ, не знающих спасения.

Мысль эта казалась слишком безумной и исчезла так же быстро, как появилась.

Однако если взглянуть на происходящее сверху, с высоты птичьего полёта, можно было заметить, что ветер дул по строгому закону. Два встречных потока воздуха кружили вокруг Тао Шаньцзэ и даоса, образуя центры диаграммы тайцзи, а хаотичная зона посередине являлась точкой их столкновения.

Чи Мэй пристально вглядывался в лицо даоса, искажившееся от почти звериного оскала — того самого даоса, которого Ли Хуа превозносил как небожителя. По идее, призвание обычных даосов заключалось в изгнании нечисти, но существовала особая их разновидность. Они скитались между мирами живых и мертвых, продлевая себе жизнь за чужой счет. Если они совершали слишком много поступков, подрывающих их небесную добродетель, им приходилось браться за дела потустороннего мира, чтобы поддерживать хрупкий баланс. Однако таких людей подстерегала смертельная опасность: стоило им оступиться, как они навеки лишались права на перерождение.

Это до боли напоминало игру на выживание за счет чужих жизней из иллюзии Тао Шаньцзэ, но всё же не совпадало во всём.

В ту же секунду небесные светила пришли в движение, зеркально отражая происходящее внизу. Грозовые тучи закручивались по спирали, образуя точно такую же структуру Инь-Ян.

И точно — вслед за буйством стихии небесные призрачные тени словно поддались какому-то тлетворному влиянию и бросились врассыпную. Красно-чёрная масса бурлила без остановки, но двигалась строго упорядоченно, расходясь в стороны подобно распахивающимся вратам.

Бесчисленные молнии с бешеной силой обрушивались на землю. Поняв, что дело принимает дурной оборот, Чи Мэй попытался оттащить Тао Шаньцзэ, но тот, оказавшись в самом центре формации, уже не подчинялся чужой воле. Лицо же даоса тем временем неузнаваемо преобразилось: кожа и плоть полезли клочьями, и посреди раскатов грома у него начали отрастать восемь свирепых когтистых лап, готовых наброситься на Тао Шаньцзэ.

Чи Мэй завопил:

— Осторожно!

Нынешний облик даоса стал расплатой за ответный удар кармы — утратив рассудок, он был полностью поглощен потусторонним зверем.

Если Чи Мэй не ошибался, этот даос некогда тоже угодил в ту же самую иллюзию, что и Тао Шаньцзэ. В отличие от остальных, он сумел совладать со своим телом, выбрался оттуда в реальный мир и принялся выкачивать из людей годы жизни.

Но подобные грязные делишки, идущие вразрез с волей неба, рано или поздно приводили к расплате. С древнейших времен те, кто пытался насильственно изменить predetermined судьбу, не кончали ничем хорошим.

В следующее мгновение ослепительный удар молнии разделил их. Раздался треск, земля превратилась в обугленную пустошь, а запах крови стал невыносимо густым. Парящие в небе обрубки тел принялись заунывно выть и скрежетать зубами — от этих звуков кровь стыла в жилах.

Чи Мэй понял: Врата Призраков открылись, земные закрылись, и грядет появление кого-то великого.

Ли Хуа и госпожа Ли сложили руки в молитвенном жесте, словно в упор не замечая творившегося с Тао Шаньцзэ и даосом кошмара, а на их лицах застыло тревожное ожидание.

В противовес им Чи Мэй во все глаза глядел на Тао Шаньцзэ. Тот, будучи всего-навсего смертным, которого он сам же затащил в этот мир, не выказывал ни малейших признаков

паники. Напротив, он выглядел так, будто просто глазел на уличное представление. Даос разинул пасть, из которой капала кровь, но преодолеть невидимую преграду так и не смог.

Чи Мэй отчётливо помнил, как предупреждал его: стоит затеряться в этом мире, как в реальности ты бесследно исчезнешь — для простого смертного это означало смерть.

Однако Тао Шаньцзэ держался излишне хладнокровно. Точно так же, как в самый первый миг, когда Чи Мэй увидел его на Таймс-сквер: несмотря на неизлечимую болезнь, его осанка и самочувствие ничем не отличались от здорового человека, разве что в манерах сквозила лёгкая беззаботность, а одежды развевались на ветру. И сейчас, стоя в самом эпицентре диаграммы тайцзи, он рисковал расстаться с жизнью, но, подобно глазу тайфуна, оставался недвижим, безмятежно распускаясь средь бури.

<http://bllate.org/book/22407/2352258>